

УДК 811.161.1'373.611

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПОДОБИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Лапшина

(Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, АРК, Украина)

В статье комплексно рассматриваются словообразовательные средства, используемые для формирования семантики подобия, функционально-семантическая категория подобия описывается как полевая структура.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория подобия, метафорическая мотивация, номинация

У статті комплексно розглядаються словоотворчі засоби, що використовуються для формування семантики подібності, функціонально-семантична категорія подібності описана як польова структура.

Ключові слова: функціонально-семантична категорія подібності, метафорична мотивація, номінація

In the article means of word-formation, which presents semantic of similarity, is considered in complex. Functional-semantic category is described as a field structure.

Keywords: functional-semantic category of similarity, metaphoric motivation, nomination

Актуальность избранной нами темы состоит в том, что в словообразовании современного русского языка в последнее время все более актуальными становятся вопросы словообразовательной семантики. В первую очередь, этот процесс касается вопроса о реализации определенных семантических категорий в словообразовательном значении (в производной основе). Одной из наиболее значимых для словообразования категорий является категория подобия. Лингвистические исследования уже на протяжении 30 лет затрагивают данную тему, но системного изучения категории подобия в словообразовании до сих пор не проводилось.

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение словообразовательных средств, используемых для формирования категории подобия.

Практическая значимость статьи состоит в том, что материалы данного исследования будут использованы при составлении электронного словаря производных со значением подобия. Составление электронных словарей является одним из наиболее перспективных направлений в современной лингвистике (см. работу Е.М. Зайцевой [5]).

Исследование проводится на основе общеупотребительной лексики современного русского языка с использованием элементов терминологической лексики и примеров из живой речи, взятых из сети «Internet».

Наиболее проблемным является вопрос о том, что именно представляет собой семантика подобия в языке и, в частности, в словообразовании. Так, например, И.И. Кобыш в работе «Аффиксальные существительные с модификационным значением подобия в белорусском и русском языках» говорит о «модификационном значении подобия» в применении к таким производным словам как *лимонка*, *глазок (на двери)*, *ножка (стола)*, *лисички (грибы)* [11]. Однако семантика подобия в языке шире, чем только словообразовательное значение.

А.В. Бондарко вводит термин «функционально-семантическая категория»: «Функционально-семантическая категория представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций (например, функции выражения темпоральных или модальных отношений). По своей структуре рассматриваемые категории представляют собой поле... План выражения [категории] образуют языковые средства,

относящиеся к разным уровням и сторонам (аспектам) языка – морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста» [2, с. 8–9].

Семантика подобия в языке является одной из наиболее значимых, а также смыслообразующих категорий и пронизывает все его уровни. Так, в синтаксисе значение подобия выражается при помощи сравнительных конструкций, как на уровне простого предложения, так и на уровне сложного, в лексике на основе подобия строится метафора, с подобием же связан такой универсальный языковой процесс, как аналогия. Поэтому мы считаем, что термин «функционально-семантическая категория» наиболее удачен и удобен для определения семантики подобия в языке.

Функционально-семантическая категория подобия имеет, как и любая другая, полевую структуру. По мнению А.В. Бондарко, в центре функционально-семантического поля располагаются грамматические единицы, лексические же следуют дальше [2, с. 12].

Ядро поля подобия в языке составляют синтаксические единицы. Необходимо отметить, что выражение категории подобия в синтаксисе тесно связано со словообразовательными процессами: так, сравнительные словосочетания коррелируют со сложными прилагательными на *-образный*, *-подобный*, *-видный* [18].

Внутри определенного языкового уровня средства, выражающие подобие, также располагаются иерархично, образуя поле.

Ядро категории составляют дериваты, в которых сема «подобие» является ядерной. Это сложные прилагательные со второй основой на *-подобный*, *-видный*, *-образный*, прилагательные с суффиксами *-оват* (*крючковатый*, *быковатый*), *-овит/-евит* (*глянцевитый*, *мастеровитый*), наречия с префиксом *по-* и суффиксом *-ски* (*по-монгольски*, *по-английски*), а также наречия, представляющие собой адвербализованные существительные в творительном падеже (*змежкой*, *ежиком*). Именно в этих дериватах словообразовательное значение является модификационным: разница между значением производного и производящего слова представляет собой сему «подобие».

Прилагательные с суффиксоидами *-подобный*, *-видный*, *-образный*, несмотря на их прозрачную внутреннюю форму, представляют собой объект неугасающего интереса лингвистов. Производные с данными суффиксоидами в словаре чаще всего не разграничены, но, несомненно, что это различие имеет место. В работе С.Ю. Адливанкина проведен анализ «интуитивного» толкования подобных образований в словаре Д.Н. Ушакова. Его исследование показало, что прилагательные с компонентом *-видный* наиболее часто трактуются на основе семантического компонента «похожий по виду», компонент *-образный* в большинстве случаев приводит к появлению семы «близкий по форме» (прилагательные с *-подобный* ни в одном из случаев не трактуются подобным образом). Элемент *-подобный* чаще всего привносит в значение производного семантический компонент «похожий (нерасчлененно)» [1, с. 92]. По мнению С.Ю. Адливанкина, «активность словообразования в этой группе прилагательных, обнажающая семантическую мотивированность новообразований, не допустит дальнейшего стирания типовых характеристик разнооформленных прилагательных подобия – наоборот, обострит их различия для создания говорящими наиболее точных применительно к каждому конкретному случаю образных характеристик» [1, с. 93]. А.И. Кайдалова считает, что анализируемые компоненты выражают одно и то же значение, различаясь только по своей активности [9, с. 50]. О. Денисенко отмечает, что слова с данными суффиксоидами, несмотря на семантическую близость, представляют собой три различных словообразовательных типа [8, с. 271]. Точка зрения С.Ю. Адливанкина нам представляется наиболее обоснованной. Более четкое разграничение суффиксоидов *-подобный*, *-видный*, *-образный* требует тщательного анализа новообразований и окказионального словопроизводства.

В лингвистических работах последних лет все чаще ставится вопрос о конкурировании в языке прилагательных, образованных по данной модели, и прилагательных типа *крючковатый*, *бочковатый* [10; 15].

Отдельного рассмотрения требуют существительные с суффиксом *-оид* (*эллипсоид*, *монголоид*). Данный суффикс представляет собой адаптированную к русскому языку основу греческого слова *eidos* «вид, образ». Традиция описания таких существительных как слов со значением подобия восходит еще к «Грамматике современного русского языка» 1970 года [4, с. 120–141]. Исследователи приводят данную модель как типичный пример эксплицитно выраженного словообразовательного значения подобия [7; 14; 16]. Следует поспорить с традиционной точкой зрения. Рассмотрим словарную дефиницию существительного *эллипсоид*, также традиционно предлагаемого исследователями как пример: *эллипсоид* – «поверхность, образуемая вращением эллипса вокруг одной из осей» (БАС); *циклоида* – «плоская кривая, описываемая точкой окружности, катящаяся без скольжения по прямой» (БАС); *геоид* – «идеальная фигура, которую образовала бы поверхность Мирового океана и сообщающихся с ним морей при некотором среднем уровне

воды, свободной от возмущений приливами, течениями, разностями атмосферного давления и т.д.» [<http://bse.chemport.ru/geoid.shtml>; Яндекс 20.01.2007]. Словообразовательное значение данных производных – «фигура, кривая, построенная на основе производящего».

Но, например, в существительном *суффиксоид* словообразовательное значение – «корень, подобный суффиксу», в слове *металлоид* – «материал, подобный металлу». По данной модели строятся и окказиональные образования, например: «Несколько преобразился и ребенок: на его месте в упор до потолка воздвиглось нечто напоминающее Эйфелеву башню, если бы ее несколько раз скрутило какое-то чудовище. *Конусоид* наклонился и заглянул Занзибарову в глаза» [<http://pressa.spb.ru/newspapers/spbved/2001/arts/spbved-2443-art-68.html>; Яндекс 20.01.2007]. Таким образом, мы можем говорить о многозначности суффикса *-оид*, а также о том, что данный суффикс передает значение подобия нерегулярно.

Особый интерес представляет суффикс *-альн*, при помощи которого образуются прилагательные от производных существительных на *-оид*. Е.А. Карпиловская пишет о данной модели в украинском языке следующее: «Складніший спосіб реалізації значення подібності засвідчують термінологічні прикметники на зразок *циклоїдальний, сфероїдальний, еліпсоїдальний, синусоїдальний*. Виражена ними ознака подібності опосередкована іншим об'єктом, названим твірним іменником, який виявляє подібність до об'єкта, позначеного вихідною лексемою такого словотвірного ланцюжка, напр.: *цикл – циклоїд – циклоїдальний* (і *циклоїдний*) або *еліпс – еліпсоїд – еліпсоїдальний* (і *еліпсоїдний*)» [10, с. 127]. Рассмотрим несколько примеров: *эллипсоидальный* – «имеющий форму эллипсоида, напоминающий эллипсоид» (БАС), *циклоидальный* – «имеющий форму циклоиды». По аналогии с данными прилагательными образовано слово *пирамидальный* – «имеющий форму пирамиды, суживающийся кверху». Показательно, что от существительных на *-оид*, выражающих семантику подобия (*суффиксоид, металлоид*), прилагательные по данной модели не образуются. Образование прилагательных с суффиксом *-альн* возможно только в пределах конкретной словообразовательной цепочки, словообразовательное значение слов типа *эллипсоидальный* – «подобный по форме».

Далее мы сталкиваемся с проблемой разграничения образования слов, денотативной семой в которых является сема «подобный», и слов, в которых подобие лишь положено в основу мотивации (А.П. Прокопец говорит об эксплицитном или имплицитном выражении семы «подобие» [17]). Сема «подобный» в них уходит на периферию, оставаясь в ассоциативном поле. С нашей точки зрения, эти дериваты образованы в процессе метафорической мотивации. Композиты, образованные при помощи метафорической мотивации, составляют следующий уровень поля подобия.

Следует определить, что мы понимаем под метафорической мотивацией. Проблема определения и выделения данного понятия очень остро стоит в современной лингвистике. Позиции различных исследователей в этом отношении радикально отличаются. Е.А. Земская считает метафорической мотивацией образование производных от метафорического значения слова (например, глаголы *обезьянничать* – «слепо подражать другим», *ишачить* – «много и тяжело работать» базируются на переносных значениях существительных *обезьяна, ишак*) [6, с. 242]. А.П. Прокопец использует термин «метафорическая деривация» для обозначения образования производных с образной семантикой [16]. М.Б. Ташлыкова определяет метафорическую мотивацию следующим образом: «Под метафорической мотивацией предлагается понимать такое мотивационное отношение между производным и производящим словами, при котором семантика производного слова опирается на ассоциативную, потенциальную семантику производящего, причем в самом процессе словопроизводства происходит смена ранга мотивационно актуальной семы: потенциальный компонент значения становится ядерным или, по крайней мере, дифференциальным» [19, с. 174].

Наиболее удачным нам представляется определение И.А. Ширшова: «Введение в научный обиход понятия метафорической мотивации требует определения ее характеристик, отличия от прямой мотивации. Под прямой мотивацией понимается отражение в лексическом значении производного его словообразовательной структуры путем прямой отсылки к мотивирующему, т.е. включение его в толкование, ср. *панел-е-воз* «машина, предназначенная возить (перевозить) панели».

Под метафорической мотивацией понимается извлечение из лексического значения производящего (производящих – при сложении) одного семантического компонента при нейтрализации остальных сем и формирование нового, образного смысла производного. В словарном описании производного целесообразно использовать сравнительные кванторы «как бы», «похожий на» и др.» [20, с. 61].

На наш взгляд, при метафорической мотивации происходит образование новых слов на основе одной семы в значении производящего на основании подобия, сравнения определенных свойств денотатов. Нельзя говорить о переносе только ассоциативных сем во всех ситуациях ме-

тафорической мотивации. «В предметах, сравниваемых наблюдателем, именно наиболее информативные признаки оказываются базой для сравнения, уподобления. Психофизиологические категории восприятия окружающей действительности... получают свое выражение в виде семантической категории подобия» [11, с. 12].

Необходимо так же отметить, что образность дериватов, образованных при помощи метафорической мотивации, является спорной. Можно говорить об образности окказиональных дериватов, творимых непосредственно в речи, например: *кинжалоглазый, огнеглавый, златоглазый, мамонтообразный, мебелеподобный* (примеры А.П. Прокопца [17]), а также новообразований. Но в общеупотребительных словах современного русского языка образность сохраняется только на уровне внутренней формы слова, здесь мы имеем дело со стертой образностью. Л. Лендъел говорит о том, что связанность ведет к потере образности [13, с. 62].

К анализируемому нами типу относится, например, наиболее хорошо исследованная модель образования простых дериватов, по структуре сходных с уменьшительно-ласкательными образованиями: *лимон – лимонка, нога – ножка* (стола), *нос – носик* (чайника), *носок* (ботинка): в основе номинации лежит сходство по форме в первом случае, во втором случае – по функции, в третьем и четвертом случае – по форме и месту (см. работы Н.А. Янко-Триницкой [21], И.И. Кобыш [11]). В словарной дефиниции сема «подобный» чаще всего не отражена: *лодочка* – «открытые дамские туфли без застежки», *батончик* – «сорт конфет», *молоточек* – «одна из слуховых косточек среднего уха у млекопитающих и человека» и т.д. Подобные существительные образуются при помощи суффиксов *-к-, -ок-, -ик-, -иц-, -очек-* (*лимонка, ножка, носок, носик, кожаца, желудочек*), омонимичных суффиксам уменьшительно-ласкательных существительных, *-овин-* (*котловина*), *-ур-* (*кожура*), *-ец-* (*зубец, крестец*).

В основу зоонимов типа *рыба-клоун, рыба-пила* также положена метафорическая мотивация. М.В. Костромина относит такие дериваты к «метафорическим бинминам»: «инвариантное значение таких бинминов – «А, похожий на В» [12]. «Частотными в составе юкстапозитов являются единицы *рыба, бабочка, клоп, птица*, которые являются определяемыми компонентами сложения и занимают, как правило, начальную позицию в слове: *бабочка-адмирал, бабочка-мешочница; клоп-черепашка, клоп-кружевница; птица-дудка, птица-лира, утка-мандаринка*» [15].

Поле слов исследуемого уровня очень широко. Сюда относятся и глаголы: *зверь – звереть, фокус – фокусничать*, и прилагательные: *лицо – безликий*, и сложные существительные: *небоскреб, сердцеед*. Главным критерием для их выделения являются кванторы «как бы», «похожий на».

На периферии функционально-семантического поля подобия находится группа слов, выражающих «подобие от противного»: *отчим, падчерица, дымка, кожаменитель*. Целесообразно формулировать словообразовательное значение данных дериватов так: *отчим* – «человек, выполняющий функции отца, но фактически отцом не являющийся», *кожаменитель* – «материал, напоминающий кожу, способный выполнять ее функции, но кожей не являющийся». И. И. Кобыш отношения между производящей и производной основой слов этой группы называет «видовой мотивацией»: «Не менее представленной в обоих близкородственных языках является группа модификатов, общность которых с базовым словом заключена в неполноте мотивировочного признака. Как правило, это слова, относящиеся к одной видовой категории, например, *дым – дымка, отец – отчим, каракуль – подкаракуль*. Модификат со значением подобия, относящийся к [данному] типу словообразовательной мотивации, называет предмет, заключающий в себе признак предмета, названного производящим словом, но не являющийся им в полной мере» [11, с. 10].

Отдельную группу составляют слова с префиксоидами *лже-, квази-* и *псевдо-*. Е.И. Голанова говорит о семантической близости данных препозитивных элементов, однако подчеркивает некоторые особенности их функционирования. «Присоединяясь к отвлеченным именам и именам лиц, они обычно сообщают им семантику фиктивности, неистинности, ложности кого – чего-либо» [3, с. 172]. Нас интересует употребление слов с данными префиксоидами в сфере терминологии, где эти единицы передают значение подобия. Например, элемент *псевдо-* широко используется в химической терминологии (*псевдорасторы, псевдогуттаперча*), в медицине (*псевдотуберкулез, псевдосклероз*), в географии (*псевдориф, псевдоитеррса*), в геологии (*псевдокристалл, псевдоминерал*). Префиксоид *квази-* нашел широкое применение в физике и астрономии (*квазиуровень, квазивязкий, квазизвезда, квазиимпульс*). Данные префиксоиды имеют все более расширяющийся круг применения, что связано с интернационализацией научной терминологии.

Исконный славянский префиксоид *лже-*, как и префиксоид *ложно-*, закрепился в естественнаучной терминологии. Данные препозитивные элементы представляют собой кальку элемента *псевдо-* и сообщают производному слову значение «похожий по внешним признакам». Например, *ложнококон, ложносетчатокрылый, лжетычинка, лжеакация*. «Препозитивные элементы *лже-* и

ложно- находятся в отношении устойчивого равновесия; например, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова зафиксировано равное количество производных соответственно с компонентом *лже-* и *ложно-*» [15]. А.В. Петров говорит о возможности появления этих морфем в одной и той же позиции: *лжелиственница* и *ложнолиственница*, *лжескорпион* и *ложноскорпион* [15].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Подобие в языке представляет собой функционально-семантическую категорию, ядром которой являются синтаксические единицы. В словообразовании мы можем говорить о разграничении производных слов, в которых сема «подобие» является ядерной, и слов, в которых она является периферийной, но лежит в основе номинации. Образование слов второй группы непосредственно связано с процессом метафорической мотивации.

Список использованных источников

1. Адливанкин С.Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88–93.
2. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 116 с.
3. Голанова Е.И. Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имен существительных с префиксами *квази-*, *лже-*, *псевдо-* // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – Наука, 1975. – С. 160–174.
4. Грамматика современного русского языка. – М., 1970. – 754 с.
5. Зайцева Е.М. Лингвистическое обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем: шаги на месте и движение вперед в сравнении с другими информационными системами // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества. Тема 2003 года: Библиотека и доступность информации в современном мире: электронные ресурсы в науке, культуре и образовании. Ч. II. – М.: ГПНТБ России, 2003. – С. 449–451.
6. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 220 с.
8. Денисенко О. Словообразовательная структура сложных имен прилагательных русской анатомической терминологии // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 272–276.
9. Кайдалова А.И. К вопросу о грамматических особенностях сложных прилагательных // Вестник Московского университета. – № 5. – 1963. – С. 48–58.
10. Карпіловська Є. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденцій розвитку лексики: регулятори рівноваги // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту. Зб. наук. пр., присвяч. ювілею Загнітка А. П. – Донецьк: ДонГУ, 2004. – С. 122–132.
11. Кобыш И.И. Аффиксальные существительные с модификационным значением подобия в белорусском и русском языках: Автореф. дис. ... филол. наук. – Минск, 1988. – 20 с.
12. Костромина М.В. Биномы в русском языке: Автореф. дис. ... филол. наук. – М., 1992. – 23 с.
13. Лендъел Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слов? // Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1972. – С. 98–107.
14. Милославский И.Г. О словообразовательном значении «подобия» в русском языке // Русский язык в школе. – 1977. – № 6. – С. 90–92.
15. Петров А.В. Сложные слова со значением подобия в русском языке. – В печати.
16. Прокопец А.П. Метафорическая деривация сложных адъективов // Культура народов Причерноморья. – № 53. – сентябрь 2004. – С. 107–111.
17. Прокопец А.П. Сложные адъективы с образной семантикой // Культура народов Причерноморья. – № 54. – октябрь 2004. – С. 51–55.
18. Рябова Н.Ю. Об особенностях соотношения производного и коррелятивного ему словосочетания // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. I – Гродно, 1989. – С. 177–179.
19. Ташлыкова М.Б. Метафорическая мотивация и ее место в словообразовательной системе // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Ч. I. – Томск, 1994. – С. 169–177.
20. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу. – Грозный, 1991. – С. 5–73.
21. Янко-Триницкая Н.А. Членимость слов типа *ножка*, *ручка* // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – Наука, 1975. – С. 175–185.